

МАРЦИПАНА КОНФИТЮР

Атомный
Тироз

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К65

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Александр Шпаков*

Конфитюр, Марципана.

К65 Атомный пирог: [роман] / Марципана Конфитюр. —
Москва: Издательство АСТ, 2023. — 352 с. — (Другое
время: хиты альтернативной истории).

ISBN 978-5-17-156056-0

Представьте себе США 50-х годов, только в 70-е: пышные юбки, рок-н-ролл, машины с плавниками... атомные реакторы вставлены в автомобили, таксофоны снабжены пелеэкранами, а Луна уже поделена между сверхдержавами. Маккартизм свирепствует — и не зря: за океаном товарищ Сталин приближается к 100-летию юбилею, и его дрожащие пальцы всё ближе к ядерной кнопке...

А в это время девочка Ава из пригорода мечтает попасть на концерт вечно молодого Элвиса Пресли. Она еще не знает, какие приключения ее ждут...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-156056-0

© Чепурина М., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

1. Я счастлива

Красный свет светофора сменяется на зеленый.

Поток автомобилей берет с места.

Тихое шуршание покрывшек едва слышно из-под звуков радиолы.

«Нам сейчас позвонили и заказали...» — докладывает диджей.

Из едущей рядом лимонной машины доносится деловской джаз.

Ронни нажимает ускорение, и спустя секунду желтый зануда с занудной музыкой оказывается далеко позади. Ветер бьет мне в лицо, треплет волосы.

— Ух-ху! — кричит Петси.

А я счастлива.

Не первый раз в жизни катаюсь я в автомобиле, не первый раз вижу центр города после заката, не первый раз зависаю с друзьями. Но именно сегодня, вот сейчас, вот в этот миг осознаю, как мир прекрасен. Светящиеся овалы окон словно драгоценные камни на костюмах многоэтажек. Разноцветные лампочки с вывесок баров и магазинов похожи на маленькие фосфоресцирующие конфетки, от одного созерцания которых внутри уже сладко. Огни фар, горящие справа и слева, и сзади, и впереди, делают дорогу, по который мы скользим, чем-то похожим на звездное небо. А если мимо несется автомобиль с модными светящимися колесами, то так и хочется загадать желание, приняв его за комету...

Впрочем, мое-то сегодня сбылось!

Но мне, разумеется, есть еще что пожелать...

Реализованная мечта словно приподнимает меня над землей. Я в машине — и будто не в ней. Как бы сверху смотрю на весь город. Если можно помыслить невероятное и оно сбудется, то почему не помыслить нечто еще более невероятное?..

Я загадываю желание на очередные светящиеся колеса и несусь дальше в Космос.

Вдруг на горизонте загорается огромная звезда. Она светится алым и бирюзовым. Ронни держит курс прямо на эту звезду, словно видит в ней знамение...

...Рождество! Да, точно! Город — это здоровенная рождественская елка, увешанная электрогирляндами. Чудеса подстерегают на каждом углу. Подарки где-то рядом. Все возможно. Спаситель явился, и мы будем жить... Временами мне хочется кричать, выть от восторга, но я сдерживаюсь. Пускай мое счастье останется тайной. И пусть Рождество будет только моим, моим личным...

А вообще-то сейчас май. Днем стоит жара не хуже летней. Теперь же, в темноте, воздух похож на молочный коктейль — освежающий, сладкий, густой и уютный.

Особенно приятно сейчас думать, что вот этим самым воздухом, совсем неподалеку дышит Он. Может, даже Он вдыхает атомы, которые я выдохнула?.. Мысль об этом показалась мне настолько волнующей, что заставила чуть-чуть хихикнуть. Так, стойте! Или в воздухе нет атомов? Атомы есть в бомбе, в электростанции, в двигателе машины, трамвая, подводной лодки и самолета, а вот в воздухе... Школьная физика — худшая вещь на земле. Никогда она мне не давалась. Да ну ее к черту!

«Атомная крошка, позволь потрогать ножку, атомная детка, целуемся так редко...» — доносится из бирюзовой машины с прозрачным куполом, проносющейся мимо нашей. Ну вот, как раз в тему. Песня в целом неплохая, но сегодня мне случилось слушать нечто намного, намного, намного лучше...

Петси сидит слева от меня, а справа — Пенси.

— Ну и как вам? — спрашивает Петси. — Если честно, я не ожидала, что окажется так круто.

— Стоял такой ор, что и смысла во всем этом не было. Я ничего не услышала, — отвечает Пенси.

— Не выдумывай. Сама же и орала как безумная, — говорит Петси. — С чего тебе было так вопить, если ты не слышала ни звука?

— Как и всем девчонкам, — говорит спереди Ронни. — От того, как он вихляется. В тот момент, когда там было соло на гитаре, а он взял и стал коленки выворачивать, я подумал, что оглохну от их визга, вот ей-богу!

Ронни сидит за рулем, ведь машина его. Рядом с ним сидит Джонни, мой брат, и ворчит:

— Интересно, он ноги не вывихнул?

А мне интересно, как они могут обсуждать эти глупые мелочи, когда только что имели счастье прикоснуться к Совершенству! Как могут они нести всю эту чушь вместо того, чтоб, как я, сидеть не в силах сказать слово, потому что еле дышишь от восторга?

Вероятно, потому, что все случайно оказались на концерте. Брат пошел потому, что родители велели ему присмотреть за мной. Петси пошла потому, что там будет мой брат. Ронни хотел показать всем свой галстук, идущий к носкам, свой пиджак, свой крутой причесон, разумеется, новую тачку, купленную на деньги родителей, и произвести впечатление на Петси. Ну а Пенси вообще не собиралась никуда. Она сказала, что планирует весь день зубрить геометрию, но переменяла решение, когда узнала, что мы едем на машине Ронни...

— Он никогда ничего не вывихивает, — говорит Ронни. — Хотя в его возрасте надо уже побережться, хе-хе...

— Брось, — фыркает Петси. — Ты же видел его. Ему на вид чуть больше нашего. Двадцать один, двадцать два... Ну, может, двадцать пять, но это максимум!

— Не больше тридцати, — говорит Пенси.

— Ну хорош тупить, девчонки! — Ронни криво усмехается, немножечко копируя объект нашей дискуссии. — От него еще моя мамаша фанатела! Он на сцене уйму лет!

— И он мог бы быть твоим отцом... — вставляет брат. Петси и Пенси смеются.

— Обалдеть как остроумно. — Ронни хмыкает. — Не хотите ничего о жизни знать — ну и пожалуйста. Только давайте уж как-нибудь без оскорблений, ага? Вон скажи им всем. — Ава! Ты ж все о нем знаешь, наверно... Эй!.. Ава!..

Ава — это я.

Мне так хорошо и так странно одновременно. Я как будто только что побывала в другом измерении. Хочется немного смеяться, немного плакать, немного — остановить этот миг, а еще лучше — вернуться назад во времени на час-другой: на концерт, обратно. Я заворожена мыслью, что эту ночь мой герой проведет в моем городе. Завтра будет дан еще один концерт, и я уже предвкушаю его: бесконечно прокручиваю в голове сцены сегодняшнего и схожу с ума от мысли, что менее чем через сутки еще раз полечу в это волшебное путешествие... В общем, рта открывать неохота.

— Ну, Ава!

— Скажи!

— Ты, что, спишь?

— Ну да, вроде как он старше, чем он выглядит, — выдавливаю я.

Честно, даты, цифры, все такое — не мое это. Да и какой смысл прикладывать к величайшему гению такую банальную человеческую линейку, как возраст? Он всегда молодой, это верно. При этом странно представить, что когда-то его и его песен не было, что в какой-то момент эти песни взяли и сочинили какие-то авторы просто из головы. Думаю, что его песни существовали всегда и в определенный момент их спустили с Неба. В общем, его тоже. Элвис вечен. Так к чему тогда глупый вопрос, сколько лет ему?

— Ну ладно, вы как хотите, а я буду считать, что ему двадцать два, — говорит Пенси.

— Было бы не круто тусоваться на концерте старика, да? — Мой брат усмехается. — А прикинь, ему сорок! Прикинь, это потасканный мужик, с пузцом, с морщинами...

— Фу, нет!

— Да! Старый, толстый, представляете?

— Джон, прекрати!

— Да что «прекрати»?! Просто странно, как он так из моды не выходит. Кажется, когда я ходил в начальную школу, он уже выступал и девчонки точно также по нему убивались.

— Джон, тебе всего двадцать один.

— И что с того?

— Можно подумать, твое детство было триста лет назад.

— И мы вовсе по нему не убиваемся.

— Вот именно.

— Разве что Ава.

— Да, Ава?

— Эй, Ава!

— Отстаньте от нее. Вы же видите: она на своей волне.

Так и есть. На волне. Эта волшебная волна восторга возносит меня прямо к небу — к темному кока-кольному небу, в котором шекотно мерцают звездные пузырьки и блаженно плавает белый шарик лунного мороженого. Мир прекрасен. Люблю все вокруг. От земли к Луне через полнеба вспыхивает цепочка ярких объектов. Точки зажигаются и гаснут друг за другом, словно кто-то проводит рукой по всем клавишам пианино. Это советский корабль идет на Луну по советскому космолифту. Понятия не имею, что они туда везут. Может быть, оружие, чтобы воевать с нашими астронавтами. Но кажется, я так счастлива сейчас, что даже коммунистов ненавидеть не могу.

Звезды стало видно, потому что мы покинули центр города, и вывесок с лампочками вокруг больше не было; даже уличные фонари встречались далеко не везде. Справа и слева от нас проплывают ряды одинаковых, как счастливые семьи, домиков. Мы уже минули первый, старый пригород,

застроенный каркасными домами фирмы «Левитт и сын», а теперь проезжаем через второй, менее старый, состоящий из металлических домов фирмы «Люстрон». До нашего пригорода, самого нового, одного из лучших в штате, и его пластмассовых домов фирмы «Монсанто» остается чуть менее получаса.

Движение в этих местах совсем небольшое, тем менее на почти пустом перекрестке нам попадает еще один красный светофор, и наш автопилот законопослушно останавливает машину.

— В такие моменты, — говорит Ронни, — мне хотелось бы по-дедовски водить самостоятельно.

— Не советую, — ехидничает Джон. — Твоя мамочка свалится с сердечным приступом, если узнает, что ее пупсик гоняет без автопилота. Тебя до конца школы из дома не выпустят. А может, и до конца колледжа...

— Глупости!

— Да, пожалуй, мысль о том, чтобы ты смог поступить в колледж, это действительно глупость...

— Джон, ты поссориться хочешь? — Ронни начинает злиться, но все мы знаем, что в драку он не полезет. Какой маменькин сынок захочет драться с человеком на три года старше и только что отслужившим?

— А что, Рон, он не так уж и не прав, — говорит Пенси. — Все мы знаем, как твоя мамаша с тобой носит. Вон даже машину тебе купили с этими потешными ремнями! Понятия не имею, почему они думают, будто привязанным к креслу ездить безопаснее.

— Да корпорации каких только бесполезных наворотов не изобретают, — поддакивает Джон. — Лишь бы продать. То ремни, то сиденья с массажем, то встроенный пикчерфон... Лучше б сделали побольше подстаканников.

— А я слышала, что есть такие машины со встроенными мороженицами, — вставляет Пенси.

— Мороженое опасно, ведь можно же горлышко простудить!

— Да черт! — Ронни отстегивает ремень и демонстративно отбрасывает его в сторону. — Эти ремни шли бесплатно, поэтому мы их и взяли! И вообще, Джон, я не против, если в следующий раз мы поедем на твоей машине, раз моя такая плохая.

— Ничего не слушай, Рон, машина — супер! — вклинивается Пенси.

Но благодарности за поддержку она не получает: в ту же секунду из-под водительского сиденья раздается противный писк. Ронни извлекает оттуда еще одну новомодную штучковину — Персональный Приемник Радиосигналов, ППРС, а говоря по-простому — пищалка. Это такой эlegantный кирпичик с антенной и красной лампочкой, которая загорается, если мать Ронни желает, чтоб он ей перезвонил. По радио ее рекламируют как крутую новинку. Но по-моему, эта штука совершенно бесполезна.

— Черт, — конфузится Ронни. — Мне надо найти таксофон.

— Да уж скоро приедем.

— Не так уж и скоро.

— Я надеялась, может, еще потусим, покатаемся?..

— Да все просто! Погнали в «Реактор»! Оттуда и звякнешь. Почти по пути.

— Да, точно, оттуда и звякну.

Ронни нажал пару кнопок на пульте.

Включился зеленый, и автомобиль снова плавно тронулся с места.

2. Я ем радионожки

Закусочная «Реактор» — одно из немногих мест в нашем районе, где могут потусоваться подростки. С парковки у супермаркета нас обычно гоняют, на площадке для малышей подростские детки тоже вроде как не к месту. Есть пустырь на окраине, возле оврага, но он по праву счи-

тается значным местом, и там собираются только самые отмороженные ребята. В принципе можно еще тусоваться в торговом центре, особенно если плохая погода. Но на первом этаже там продуктовый, на втором все забито одеждой, а на третьем, где находится кафе, сидеть вроде как можно, но уж очень неуютно из-за криков пациентов кабинета лоботомии, располагающегося там же. На четвертом этаже нет ничего, идет ремонт. Вот и получается, что кроме «Реактора» податься нам особо-то и некуда. У некоторых из нашей школы тут, можно сказать, половина жизни проходит. Я бываю здесь не то чтоб часто (как-никак от моего дома сюда надо добираться на машине), но все-таки заглядываю.

Словом, это наше место. Ну а для человека стороннего оно, я полагаю, совершенно непримечательно: те же красные виниловые диванчики; те же белые столы с хромированным ободом, что и везде; тот же набор пластинок в музыкальном автомате, что в любом подобном заведении в нашем штате; черно-белый пол в клеточку — конечно же, вы сто раз такой видели; меню тоже как обычно, как у всех. В общем, описывать нечего.

Суть в том, что мы остановились у «Реактора» не только чтобы Ронни позвонил, но еще мы ожидали повстречать знакомых.

У входа в закусочную находилось четыре торговых автомата: со жвачкой, сигаретами, таблетками аполлония и карманными дозиметрами. Мой брат принялся выбирать себе курево. Девчонки и Ронни направились внутрь. Я немного задержалась у дозиметров, залюбовавшись на один розовый, дамский, с тонкой цепочкой, но посчитала, что это будет излишеством и надо дожждаться, пока не сломается старый мой счетчик. Потом двинулась внутрь вслед за всеми.

С черно-белого скругленного экрана, расположенного в закусочной общественного пикчерфона, на Ронни уже таранилась его мамаша: видно, как обычно, выдавала цен-

ные указания. Тот стоял, немного отведя трубку от уха: кажется, громкость на том конце провода снова была повышенной. Пенси и Петси мгновенно нашли себе компанию и подсади за столик к каким-то не особенно знакомым мне девчонкам. Слушать их пустую болтовню не было никакого желания: наверняка она сбила бы мне весь настрой, который и без того уже начал выветриваться. Нет, сейчас я, наоборот, должна была воспользоваться шансом побыть в одиночестве! Еще раз насладиться произошедшим. Восстановить в голове волшебные мгновения сегодняшнего концерта, пока память не растеряла их, и дожать, допить оставшийся восторг.

И еще мне захотелось газировки.

Я присела у стойки буфета.

— Привет, Ава! — сказал Сэм. — Ты меня помнишь?

Вот черт! За стойкой Сэм! Я избежала одного нудного разговора, но нарвалась на другой.

В общем, Сэм — это парень на год старше меня, с которым мы немного пересекались, когда он еще учился в нашей школе. В колледж он не поступил — и вот работает буфетчиком. Вид у него постоянно такой, словно он в чем-то провинился и извиняется. И еще он вечно думает, что я его забыла. Ага, забудешь, как же! Каждый раз, когда я прихожу в эту закусочную и попадаю на его смену, он заводит со мной длинные занудные разговоры о том, что ему приснилось, или о том, какая новая грелка у его бабушки. Мне кажется, он даже считает, будто мы с ним друзья. Видимо, это из-за того, что я всякий раз вежливо с ним разговариваю, хотя, к примеру, Пенси наверняка уже десять раз послала бы его к черту...

— Ну конечно, помню, Сэм.

— Хорошо! А то я уж боялся, меня все забудут, с кем в школе учились... Что хочешь?

— Давай аполлолу.

— С мороженым?

— Без.

Сэм налил мне стакан голубой газировки, а затем с любопытством пронаблюдал, как она по прозрачной пластиковой трубочке поднимается в мой рот.

— Не пойму, как ты пьешь эту гадость? — спросил он сочувственно. — Она же почти не сладкая.

— А что? Я привыкла. В школе с первого класса давали...

— Вот именно! В школе меня ею замучили. А еще говорят, что в Советском Союзе у людей нет права выбора! Да я по пальцам могу сосчитать, сколько раз в школьной столовой давали нормальный напиток, а не вот эту вот гадость!

— Так ты ее, значит, не пьешь?

— Неее! Как школу окончил — ни разу, — сказал Сэм со странной гордостью.

— А как же от радиации защищаешься?

— Ну как. Аполлоний в таблетках, естественно.

— Понятно, — ответила я. А затем решила, что, если уж Сэму так приспичило общаться со мной, пусть это будет более интересная тема, чем аполлоний, защита от радиации и коммунисты. — А знаешь, откуда мы едем? Где мы сейчас были?

— В центре города?

— А именно?

— В большом торговом центре?

— Держи выше.

— В магазине летающих автомобилей?

— Нет. Интереснее.

— Неужели в ночном клубе?

— Сэм! Неужто ты не в курсе, что в наш город сегодня приехал сам Элвис?! — произнесла я торжественно-назидательно.

— А, — сказал Сэм. — Этот дерганый, что ли?

— Сам ты дерганый!

— Как скажешь... Слушай, Ава! Может, хочешь что-нибудь перекусить?

— Блин, да ты совсем меня не слушаешь.

— Нет, слушаю, слушаю! Вы там были на концерте, все дела. Просто если хочешь чем-нибудь заесть эту противную

газировку, я мог бы символически угостить тебя... за счет заведения...

— Прямо так?

— Ну да. Нам тут можно ежедневно брать еды на небольшую сумму... В общем... Это... Что ты больше любишь: радиокрылышки или радионожки?

— А обычных ножек нет?

— Обычные нам брать не разрешают, — сказал Сэм. — Они дороже.

Если вдруг кто не в курсе: радиоконечностями называют дополнительные конечности кур, обработанных ионизирующим излучением. В старину в природе были только куры с двумя крыльями и двумя ногами. И вот лет пять назад наконец-то была выведена порода с дополнительными парами того и другого. Правда, по размеру радиоконечности в три раза меньше обычных. Кроме того, курица при жизни ими не пользуется. Ну, то есть они вроде как висят с боков, мешают ей немного, но задачи никакой не выполняют, не упражняются. Поэтому и мясо там не то чтоб очень вкусное. Зато это дополнительное бесплатное мясо с каждой куриной головы. И если хорошенько обвалить радиокрылышки в панировке и поперчить, то получается неплохая закуска — для спортивных матчей в самый раз...

— Ну, давай радионожки тогда, что ли. В крыльях-то есть совсем нечего.

— Ладно, — сказал Сэм, довольный, видимо, тем, что я не пренебрегла его гостеприимством. — Сейчас принесу.

Он ушел. Я оглядела зал. Ронни по-прежнему торчал у пикчерфона, нервно тербил кудрявый провод и отчитывался в чем-то перед мамашей. Девчонки за столом были полностью поглощены беседой. Мой брат тоже встретил какого-то своего приятеля и зацепился с ним языками прямо у входа. В рассуждении, чем бы пока заняться, я обратила внимание, что музыкальный автомат молчит и рядом с ним никого нет.

Что ж, беспорядок!

Я нашла монетку.

К возвращению Сэма с ножками закусочная была уже в сто раз прекраснее, так как украсилась звуками лучшего голоса в мире.

— А... Этот твой... — сказал Сэм, ставя передо мной тарелку с парой микроскопических курьих ножек.

В этот раз он, видимо, решил воздержаться от слова «дерганый», но ничего другого не придумал.

— Тебе нравится? — воодушевленно спросила я.

— Мне больше индейка.

— Да при чем тут индейка! Про музыку речь! Песня нравится?

— Ниче так... — сказал Сэм.

— А можешь поверить, что я слышала ее вживую буквально пару часов назад?

— Должно быть, это круто.

— Еще как! А если я скажу, что было кое-что еще покруче?

— Это что же?

— Перед концертом Элвис беседовал с журналистами.

— Вот как.

— И нескольким девушкам из фан-клуба позволили там поприсутствовать.

— Надо же.

— Я была среди них!

— Ну и ну.

— И знаешь, что случилось?..

То ли из благодарности за бесплатную еду, то ли из-за того, что меня распирали эмоции и требовалось срочно поделиться ими с кем-нибудь, я выложила Сэму все, что было перед концертом. Во всех подробностях поведала события, сделавшие меня самой счастливой, разделившие всю жизнь на до и после! Даже просто говоря об этом, просто пересказывая даже не другу, а так, знакомому, мне хотелось плакать и смеяться одновременно; хотелось бегать, прыгать до потолка, обнимать и целовать весь мир вокруг! Хотелось

схватить Сэма за воротник и закричать: «Ты понимаешь?! Нет, скажи, ты понимаешь?!»

Хотя ничего он, по-моему, не понял. Как стоял с глупым лицом своим в пилотке, так и остался. Сказал только:

— Ну и дела.

Да и то без особого выражения.

— Эх ты, Сэм, — сказала я, вздохнув. — Спасибо за ножки, конечно. Только вижу, ничего-то ты не понял. Я с тобой таким делюсь! Таким! А ты... Эх ты...

— А я тоже поделюсь с тобой секретом, — сказал Сэм.

— Это каким это?

— Когда я гостил у тети в Батон-Руж, то видел там летающую тарелку.

— Что, — сострила я, — на кухне тетиной?

— Нет, — ответил Сэм не моргнув глазом, — в небе. Неделю назад это было. Она зависла прямо у меня над головой секунды на три. А потом уменьшилась и исчезла. Наверно, просто выше поднялась и улетела. Были тучи, видно было плохо...

— Может, ты слишком много работаешь, раз тебе в небе тарелки мерещатся, а?

— Ну да, давай остри! Наверное, тебе будет понятнее, если я скажу, что это была летающая грампластинка? Твоего этого самого.

— Какого? Ну? Какого?

— Никакого. Не хочешь — не верь. В общем, я видел диск в небе. И если ты предложишь более правдоподобное объяснение, чем то, что его подослали наши спецслужбы...

— Сэм, налей-ка колы, — перебил его мой брат, подсевший к нам.

Сэм нехотя поплелся к сатуратору.

Пока он там возился, пришел Ронни.

— Уф! — сказал он. — Вроде матушка довольна. Наговорила.

— Значит, остается только выцепить девчонок из компании, и можно ехать дальше.